

советских композиторов не всегда соответствовала их художественным достоинствам. Он объясняет это особенностями художественного восприятия в фронтовой обстановке. Однако эта ссылка на специфику восприятия отнюдь не снимает вопрос об объективной ценности произведений советского искусства, которые обязаны, говорил А. А. Жданов, «развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед»³. К сожалению, автор недостаточно заостряет внимание на этом вопросе.

Серьезным недостатком настоящей работы является то, что автор мало внимания уделяет в ней музыкальному анализу фронтовых песен. Так, лишь вскользь затронув автор интересный вопрос переинтонирования композиторских песен в процессе и фронтового бытования; ничего не говорит автор об изменениях в музыкальном звучании лирической песни при переходе ее в строевую (явление, как известно, очень распространенное в свое время на фронте). Если бы автор полнее осветил ряд специальных музыковедческих проблем, это сделало бы книгу более интересной и полезной.

Несмотря на указанные недостатки, книга Л. Данилевича, в которой даны известные обобщения личных наблюдений, представляет значительный интерес. Фольклористы и этнографы почерпнут в ней много полезного для своей работы по изучению фольклора Великой Отечественной войны.

Б. Гершкович

Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибирск, 1948, стр. 504.

В своей статье «Советская школа в этнографии» С. П. Толстов указывал, что «основной формой обобщающего этнографического труда постепенно становится историко-этнографическая монография. Прекрасным примером таких нового типа историко-этнографических монографий является серия трудов известного исследователя народов Алтая и Южной Сибири Л. П. Потапова, в особенности «Очерки по истории Шории» и еще неопубликованная докторская диссертация «Алтайцы»¹.

Рецензируемый труд, принадлежащий перу того же автора, представляет собой солидную монографию, посвященную истории алтайских племен с древности до настоящего времени.

«Введение» излагает общие данные о расселении и самоназваниях отдельных группы алтайцев и дает краткие сведения об источниках книги, а также критический обзор истории изучения Алтая. Особо выделен параграф, посвященный изучению алтайцев за советский период. Первая часть книги (гл. I—IV) исследует историю Алтая с древнейших времен (о палеолита) до господства ойротских ханов включительно, т. е. до XVII в. Вторая часть начинается с включения алтайцев в состав русского государства (гл. I). Если первая часть делится соответственно основным историческим этапам, то во второй части наряду с историческим материалом имеются содержательные главы собственно этнографического характера об экономике (гл. V), родовом быте (гл. VI), общественном строе алтайцев (гл. VII). Последняя особенно тщательно разработана. Затем следуют разделы, анализирующие колониальную политику царизма (гл. VIII) и порожденные ею элементы капитализма (гл. IX); освещены особенности быта алтайцев того времени (гл. X—XII). Все это завершается XIII главой второй части «Значение периода пребывания алтайцев в составе русского государства для их истории». Монография заканчивается главой «Алтайцы в советскую эпоху».

Как видно из этого беглого перечня, рецензируемая монография дает стройное и последовательное изложение истории Алтая. В отличие от двух предшествующих работ того же автора, имеющих аналогичные названия — «Очерк истории Ойротии» и «Очерки по истории Шории»², данная монография не ограничена периодом русской колонизации, как первая, или собственно этнографическими сюжетами, как вторая.

Л. П. Потапов не впервые и не только в порядке привлечения аналогий обращается к историческим материалам для своих исследований. Известны его работы собственно исторического характера, например, глава об уйгурском ханстве в макете книги «История СССР»³ или статья «Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период»⁴. Однако упомянутые работы все же не отличаются тем широким использованием собственно исторических данных, которые привлечены в рецензируе-

³ Доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов тов. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде, Госполитиздат, 1946, стр. 28.

¹ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 21.

² Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; его же, Очерки по истории Шории, М.—Л., 1936.

³ Ч. III—IV, М.—Л., 1940.

⁴ Изв. Всесоюзного географического общества, 1946, № 2.

мой монографии. В ней отмечено все главное, характеризующее особенности отдельных этапов истории Алтая.

Л. П. Потапов перечисляет и дает краткую характеристику основных исторических этапов истории Алтая, связывая ее с историей племенных государств Центральной Азии (см. гл. III). Признавая правильной основную периодизацию автора, я все же считаю не совсем точным подведение под рубрику «племенных государств» тюрков Алтая, уйгуров, кыргызов, киданей и найманов и, наконец, империи Чингис-хана, как и включение кыргызов Енисея в состав племенных государств Центральной Азии.

Л. П. Потапов справедливо, но не всегда в достаточной мере, обращает внимание на исторические события, протекавшие на Енисее и в Семиречье. Между тем теперь все более вырисовываются активные связи Алтая с Семиречьем, проявляющиеся особенно в эпоху бронзы и ранних кочевников не только в одностороннем влиянии Алтая на быт и культуру кочевников Семиречья, — эта связь была обоюдной. Характерен, например, такой факт, что в могильнике Кудурге наряду с китайскими монетами эпохи не только Хань, но и Тан, времени «кай-юань» (713—742), была найдена тюркешская монета Моха Дагана⁵. Находкой этой монеты типично семиреченского чекана далеко не исчерпывается документация западных связей, явно шедших из Семиречья⁶. Пример этот взят лишь как характерный штрих в противовес господствовавшим в старой науке представлениям об одностороннем воздействии только с юга Монголии или Китая. Автор рецензируемой работы наметил правильный путь, но отсутствие достаточных сводок по этим важным для него районам не дало ему возможности учесть все необходимые материалы.

Трудность составления истории для бесписьменных в прошлом народов исключительно велика, например, для составления истории якутского народа, где эти трудности преодолеваются главным образом на основе археологического материала⁷. Там, где и этого материала нет, вопросы древности неизбежно остаются неосвещенными⁸.

Л. П. Потапов, опираясь на труды археологов-алтаеведов, на труды по истории смежных районов, воссоздает полную историю древнего Алтая, и читатель порой забывает, что многое здесь построено на отрывках из письменных источников и на отдельных фразах, обогащенных сопоставлением с вещественными данными. В этом большая заслуга автора, и здесь им сделано много. Но поскольку Л. П. Потапов избрал этот тяжелый путь, постольку рецензент не может удержаться, чтобы не указать на некоторые пропуски в этой части. Укажу, что в китайских источниках, даже в переводе того же Иакинфа Бичурина, имеется больше данных об Алтае, скрытом иногда от читателя — не-синолога под именем страны «Цзинь-шань», т. е. «Золотых гор». В качестве примера укажу, что с Цзинь-шанем, т. е. Алтаем, связаны племена гагюй — древние уйгуры, которые у автора выступают главным образом с VIII в. (а не с V в., когда следует выделять гаогюй) и лишь как внешнее явление по отношению к Алтаю. Не подчеркнут Л. П. Потаповым в достаточной мере, что тюркский каганат Монголии VI—VIII вв. — алтайского происхождения, в связи с чем его историю следует рассматривать несколько в ином аспекте, особенно по отношению к истории Алтая. В деле возрождения II тюркской династии Алтай также играл выдающуюся роль (восстание Чеби Кагана)⁹. Я не отмечаю других данных, но несомненно, что еще в гунскую пору на Алтае существовали большие племенные группы типа синли (? или цайли), цзюеше (кыпчаков) и другие; особенно выявляется если брать Алтай в широком плане, включая Западный (напомню, например, племена северные чешы).

Прочтя этот раздел работы Л. П. Потапова, историк и археолог получают большую пользу для интерпретации своих материалов, особенно в части реконструкции быта древних кочевников (ср., например, стр. 80 и сл.). Удачно сопоставлено изображение на камне из Кудурге с руническими текстами (стр. 112).

Заслуживают большого внимания выводы автора о противоречии родовых и имущественных отношений. Я целиком разделяю вывод автора о причинах застойности исторического процесса на Алтае, развернутый им на стр. 122 и следующих. Позволю себе процитировать этот абзац. «Основная масса кочевого населения продолжала

⁵ С. И. Руденко, Алтайская экспедиция, Сборник «Этнографические экспедиции 1924—1925 гг.», стр. 76, рис. 1. Монета автором неправильно названа уйгурской. См. об этих типах монет в моей работе «Тюркешские монеты», Труды Отдела востоковедения Гос. Эрмитажа, т. II.

⁶ Ср., например, находки византийских монет на Алтае, — С. В. Киселев, «Вестник древней истории», 1940, 3—4.

⁷ См. А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943; ср. особенно его докторскую диссертацию, еще не опубликованную. Тезисы диссертации «Очерки по истории Якутии — от палеолита до присоединения к русскому государству», Лен. гос. ордена Ленина университет, 1947.

⁸ См. аналогичное положение в интересной и содержательной работе Н. А. Кислякова, Очерки по истории Каратегина, Сталинабад — Ленинград, 1941.

⁹ Иакинф Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, СПб., 1851, стр. 317 и сл.

жить обычной для них жизнью. Простота производственной структуры этих кочевых племен-общин, построенных по племенному и родовому признаку, приводила, очевидно, к тому, что эти кочевые общины постоянно воспроизводили себя в одной и той же форме. Являясь самодовлеющими, производящими самостоятельно все, что было необходимо для их несложного кочевого хозяйства, они — эти кочевые объединения — проявляли большую устойчивость и жизнеспособность; будучи разгромлены и рассеяны при очередном нашествии или набеге враждебной коалиции племен, они довольно быстро возникали вновь, часто на том же месте, под теми же племенными и родовыми названиями, или же, быстро оправившись от удара, входили в новую комбинацию таких объединений. Их устойчивость и неизменность находят объяснение именно в простоте структуры экономических элементов. Различные политические комбинации отдельных удачливых или неудачливых ханов-вождей, борющихся между собой за власть и влияние, не затрагивали основы хозяйственной жизни этих кочевых объединений» (стр. 122—123). Именно в этих экономических условиях, правильно вскрытых Л. П. Потаповым, кроется суть последующих за варваризацией процессов, восстанавливающих первобытные формы и консервирующих на многие сотни лет родоплеменные отношения.

В отдельных случаях могу указать на несогласие с автором, например, в отношении Кудурге к VII в. (стр. 106), в трактовке комплекса находок из кургана, раскопанного В. В. Радловым на р. Табажек, к послемонгольскому времени (стр. 129—130), в употреблении термина «алтайские феодалы» по отношению к VI—VIII вв. (стр. 165) и т. п. Следует отметить и явные описки и слишком частые опечатки, главным образом в сносках и, конечно, в иностранном тексте. Так, В. Томсен умер в 1927 г., и новый перевод на немецкий язык древнетюркских надписей издал Шедер в 1924 г., а не в 1921, как указано в сноске 2 на стр. 23. Попутно отмечу, что «Атлас древностей Монголии» имел четыре выпуска, а не два (стр. 23, сн. 1), и т. д. К сожалению, эти неточности иногда вкрадывались и в текст, из-за чего Рубрук попал в Семиречье на 40 лет раньше, чем это было в действительности (1213 г. вместо 1253 г.), а монеты Гаддана получили тюркские легенды наряду с монгольскими (стр. 137), хотя на них тюркских текстов и нет.

Но все это — мелочи, не учтенные слишком кратким списком опечаток. Важнее отметить следующую существенную ошибку. Автор пишет: «Честь дешифровки енисейско-орхонских рунических текстов принадлежит датскому ученому В. Томсену, который опубликовал в 1893 г. ключ к их чтению. Пользуясь этим ключом и совершенствуя его, русские ученые быстро стали переводить и издавать эти камнеописные памятники и заняли ведущее место в их исследовании» (стр. 23). Это совершенно неверно. Не зная еще дешифровки В. Томсена (15 декабря 1893 г.), русский ученый В. В. Радлов, независимо от него, раскрыл тайну рунического письма. В. В. Радлову принадлежит честь первого перевода основного текста Кюльтегина, уже доложенного на заседании Русской Академии Наук 19 января 1894 г. и в том же году изданного в России¹⁰. В. Томсен только через два года (в 1896 г.), опираясь на В. Радлова, издал свои первые переводы (а не «четверть века спустя», как у Л. П. Потапова), причем сам В. Томсен писал: «Что касается толкования и перевода самих надписей, то я только сожалею, что я не Радлов»¹¹.

Уже в конце первой части Л. П. Потапов дает новый материал, не известный ранее исторической науке; мы имеем в виду привлечение архивных материалов Барнаула (стр. 139). Еще шире эта практика исследования применена автором во второй части его труда, нарастая по мере приближения к современности. Если на 139 стр. выступили первые оригинальные архивные материалы, извлеченные лично автором, то с 144 стр. впервые появляются в массовом количестве историко-этнографические наблюдения, не считая, конечно, тех, которые были использованы для интерпретации археологического материала.

Во второй части автор рисует все стороны экономики и быта алтайского населения с XVII в. до нашего времени, являясь хозяином богатейшего исторического материала. Здесь Л. П. Потапов выступает научным новатором, обогащаям наши знания как извлечениями из архивных сводок, так и своими шестнадцатилетними сборами этнографического материала (1925—1941). Передать все богатство этих глав в краткой рецензии совершенно невозможно. Позволю себе отметить лишь то, что мне представляется наиболее ценным и актуальным.

Л. П. Потапов, основываясь на известных указаниях И. В. Сталина, правильно трактует соотношение патриархально-родового быта и патриархально-феодальных отношений у алтайцев. Из многих формулировок по этому вопросу (стр. 332 и сл.) отмечу одно из заключений автора: «Феодальные отношения алтайцев обычно были облачены в родовую костюм, с целью маскировки эксплуататорской сущности этих отношений» (стр. 333). Этот тезис подкреплен не только отдельными фактами, но составляет лейтмотив работы, выявляя тем самым ее политическую актуальность.

¹⁰ Л. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрк VI—VIII вв., стр. 18.

¹¹ См. «Сборник памяти В. Томсена», Л., 1928, стр. 19.

Другой заслугой автора является лишенное упрощенства, детальное и всестороннее рассмотрение влияния русской культуры и русского народа на алтайцев. Автор четко различает две культуры: народа и эксплуататоров, русского крестьянства и «августейшего» помещика. Уже в историографическом введении, последовательно рассматривая в историческом аспекте роль русской науки в изучении алтайцев, Л. П. Потапов сумел показать прогрессивные и отрицательные черты ученых того времени и выявить должное отношение советского ученого к их трудам. Аналогичные позиции он справедливо занял и в оценке роли духовной миссии на Алтае. Огромный материал, изложенный на 277 страницах, дал автору право написать краткую главу «Значение периода пребывания алтайцев в составе русского государства для их истории» (стр. 439—442) и начать ее заявлением: «Период пребывания алтайцев в составе царской России, несмотря на гнет колониального режима, дополнившегося еще угнетением собственной эксплуататорской верхушки, был все же для истории алтайцев прогрессивным по сравнению с прошлыми периодами» (стр. 439). Далее читаем: «Главной причиной столь значительного культурного прогресса алтайцев было непосредственное широкое общение алтайцев с русской народной средой. Совместная жизнь алтайцев с русским трудовым народом оказала глубоко положительное влияние на развитие их культуры» (стр. 440).

Заключая книгу, автор дал раздел об алтайцах в советскую эпоху, где наряду с краткой исторической справкой о борьбе за власть Советов на Алтае, он обрисовал те экономические и культурные достижения, которые алтайцы получили в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Глубоко прав автор, когда на примере бывшей батрачки у бая, ныне заслуженной артистки РСФСР А. П. Альтарьковой, он обращает внимание читателя на эти колоссальные достижения. Л. П. Потапов призывает «вдуматься в такой факт, что артистка-алтайка поет романсы Рахманинова на алтайском языке, что ей внимает и бурно аплодирует алтайская же аудитория, что артистка-алтайка свободно поет например, дуэт Лизы и Полины из Пиковой Дамы Чайковского в партии с русской артисткой, что артистка-алтайка выступает соло или с русским партнером в характерном или классическом танце. Понять все это почти волшебное превращение людей, еще четверть века тому назад не имевших понятия о печатном слове, не знавших вкуса печеного хлеба, живших в первобытном корьевом шалаше, призывавших по всякому случаю жизни шамана, осмыслить и объяснить все это можно только при помощи ленинско-сталинской национальной политики, составляющей национальную гордость советского народа» (стр. 495).

Из отдельных, частных неточностей и неправильностей отмечу некоторые. Мне кажется неверным ставить на одну плоскость джунгарских и киргизских «феодалов» XVII в. (см. 171—184). Относительно киргизских «князьков» это вообще весьма условный термин. С другой стороны, несмотря на то, что они действительно являлись «организаторами» восстаний против царских воевод, их князь Иренак в результате долгой борьбы за независимость счел все же нужным идти не под власть Алтын-хана и ему подобных, а отправил послов в Москву с просьбой принять его с людьми в русское подданство. Просьба Иренака была удовлетворена.

Автор и в этой части пользуется сравнительным материалом, особенно при анализе социальных отношений, беря примеры из близких к Алтаю народов (например, казахов).

Укажу, что помыш (стр. 298) и отчасти тен-улеш следовало бы сопоставить с сауном казахов. Айбы-кун напоминает ювар у туркмен. Непонятно, почему Л. П. Потапов считает родовых старейшин всегда носителями родового «демократизма» (стр. 319). Родовые старейшины при известных условиях могли превращаться (и превращались) в эксплуататорскую верхушку. Для многих явлений можно было бы привести аналогии из древней истории родственных алтайцам народов. Например, «строгая дифференциация в терминологии родства по возрасту» (стр. 266) уже была отмечена мной для VI—VIII вв. у тюрков¹². Аналогично было в то же время и положение раба «кул» и закрепощенных типа «айбычы». Последний тип зависимости получил, видимо, особенное развитие при монголах. Не следует ли айбычы сравнивать с монгольскими албату, подобно тому как алтайских кодечи с могольскими же нукерами? Учитывая вхождение алтайцев в систему упоминаемых государств (орхонские тюрки, монголы), эти сопоставления можно было бы считать уместными и исторически оправданными, а для выяснения генезиса и сущности явлений — необходимыми. В этой связи особый интерес представляют сеоки (роды) кыпчак, найман, кыргыз (стр. 255). Для Алтая характерна не просто этнонимика государств, кои владели Алтаем, а этнонимика реальных племенных соседей, независимо от их вхождения в состав того или иного центральноазиатского государства. Кыргызы были ближайшими соседями алтайцев. Я даже допускаю, что в VIII—IX вв. Алтай составлял часть кыргызского государства Енисея. Об этом имеются свидетельства в китайских источниках (Таншу), а также косвенные данные в литературе на арабском и персидском языках (например, Худут-ал-Алам — Хв. Гардизи — XI в., Марвази — XII в.) и др.

¹² См. «Родовой строй тугю», Изв. ГАИМК, вып. 100; ср. соответствующую главу в моей книге «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков».

Найманы, я полагаю, были омонголенные «секиз огузы» рунических текстов, а, судя по Селенгинскому тексту, они жили в непосредственной близости от Алтая, как и древние кыпчаки, которые, как я пытался показать в своих печатных работах¹³, были жителями Алтая (юго-западного?), по крайней мере с конца III в. до н. э. до VIII в. н. э.

Вообще, изучению алтайской топонимики и особенно этнонимике, как и эпосу, следует уделить серьезное внимание, ибо после работ Н. Аристова никто не возвращался как следует к этим вопросам.

Мы не можем останавливаться на других интересных вопросах, решенных или поставленных работой Л. П. Потапова, например, на его анализе богатого статистического материала для выяснения роли капиталистических элементов в алтайской экономике (стр. 376 и сл.), на блестящих характеристиках в связи с этим баев Кульджина и Тобокова (стр. 382 и сл.), на содержательной главе о бурханизме и т. п. Кстати отмечу, что японская фашистская «научная» печать еще недавно в своих языковых «классификациях» уделяла Алтаю немалое место, приспособлявая в своих интересах «урало-алтайскую» теорию. Приведенные автором материалы, разоблачающие проипонскую ориентацию вождей бурханизма, имеют большую ценность.

Новосибгиз, издав приемлемую по формату и шрифту книгу, недостаточно хорошо справился с техникой и корректурой. Мы уже отмечали многочисленные опечатки. Очень различны по качеству исполнения клише и особенно их печать, раздражает иногда верстка и неравномерность полос. Очень жаль, что книга не имеет указателей. Встречаются повторения в тексте, особенно в конце книги, например, о зайсанах. Однако эти промахи ни в какой мере не влияют на общую высокую оценку книги, которая с удовольствием и пользой будет прочитана широким кругом историков. Труд Л. П. Потапова — несомненная удача исследователя, полезная и нужная книга. Немаловажным ее достоинством является ясное и простое изложение.

А. Н. Бернштам

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

E. J. B. Foxcroft. *Australian native policy*, Melbourne and London, 1941, стр. 168.

Центральная тема книги — трагическая история австралийских племен, проживавших в штате Виктория. Попутно более кратко рассказывается об участии австралийцев других штатов. К сожалению, автор книги не ставит перед собой задачи просто и более или менее объективно изложить суть дела. Его задача состоит в том, чтобы изобразить колонизаторов как «добрых» и «мягкосердечных» людей, которые очень «хотели» помочь туземцам, но «не знали», как это сделать. «Желание было, — пишет автор, — но знания не было» (стр. 27). Если верить автору, то англичане травили, убивали, морили голодом туземцев только потому, что «не знали», что это приносит им «ущерб». «Хотя мы знаем теперь (только теперь! — Н. Б.) об ущербе, причиненном туземным расам, — пишет автор, — но это знание пришло к нам только после столетнего опыта» (стр. 20). Истребление туземцев и изгнание их с принадлежащих им территорий автор описывает в чрезвычайно деликатной форме. Занятие страны англичанами, пишет он, «возможно (!), вызвало конфликт (!) между туземцами и вторгшимися белыми... Поселение белых, очень возможно (!), согнало племена с их собственных территорий» (стр. 19). Об охотах на туземцев с огнестрельным оружием, о массовых отравлениях их ядом и т. д. и т. д. автор упоминает только потому, что об этом просто нельзя не упомянуть, слишком уж это всем известно. Он так и пишет: «Нельзя не упомянуть (impossible to overlook) о карательных экспедициях, официальных и неофициальных, примеры которых имеются в истории каждого штата» (стр. 28). Автор, однако, не приводит этих примеров, он совершенно не раскрывает черных страниц «белой» Австралии. Он описывает в своей книге только попытки миссионеров и протекторов «защитить» туземцев, «цивилизировать» их. Но если приглядеться поближе к этим, по мнению автора, «белым» страницам, то нетрудно увидеть, что и они густо забрызганы туземной кровью.

В Австралии до открытия золотых месторождений почти совершенно не было белых поселенцев. Приходилось поэтому искать рабочую силу среди туземцев. Задача миссий и протекторов состояла в том, чтобы приучить туземцев к оседлой жизни, к послушанию колонизаторам, привить им веру в бога, обучить их немного грамоте, чтобы после этого их можно было использовать как рабочую силу. Бартон в 1835 г.

¹³ См. «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии», сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1946.